

неопределенности». Маргинальность обладает содержательностью, однако эта содержательность не укладывается ни в какие рамки определенности и представлена непрерывным переходом. Это дает возможность рассматривать маргинальность как чистое время. Темпоральная природа маргинальности предусматривает любые изменения, ведущие к появлению новой целостности сознания. Но пребывание в постоянной переходности вызывает непомерное давление и деструктивное влияние на человека.

Ключевые слова: бытие, сознание, маргинальность, экзистенциальность, время, парадокс.

* * *

УДК (316.613+572)–059:599.89**homo sovieticus*+94(47+57)

Струченков А. В.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
украиноведения, Донецкий национальный
университет экономики и торговли им. Михаила
Туган–Барановского (Украина, Кривой Рог),
Romanuxa@mail.ru

Романуха А. Н.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
украиноведения, Донецкий национальный
университет экономики и торговли им. Михаила
Туган–Барановского (Украина, Кривой Рог),
Romanuxa@mail.ru

СОЦИАЛЬНО–АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ *HOMO SOVIETICUS*

На основе методологических принципов социальной антропологии, а также теорий П. Бурдьё, Н. Элиаса, П. Бергера, А. Зиновьева рассматривается концепция *homo sovieticus*. Особое внимание уделено анализу механизмов конструирования и воспроизводства советскости в повседневных практиках на примере технической интеллигенции Донбасса. Наряду с этим проанализированы основные социально–антропологические характеристики советского человека.

Ключевые слова: *габитус*, интеллигенция, общество Модерна, повседневность, советскость, *homo sovieticus*.

(статья друкється мовою оригіналу)

Систему социально–политических, экономических и духовных отношений в СССР невозможно представить без их создателя и носителя – советского человека (*homo sovieticus*). Данное понятие не было лишь языковым клише коммунистической пропаганды, оно означало реальный феномен, объективированный в микропрактиках и интеракциях повседневной жизни рядовых граждан СССР. Сам термин *homo sovieticus* стал активно использоваться не только в публицистике, но и в академической науке после публикации одноименного остросатирического романа А. А. Зиновьева. Инициированный ученым дискурс о советском человеке и советскости нашёл отражение в исследовании российских и украинских социологов и историков. В работах В. Л. Вайля, А. А. Гениса [3], Ю. А. Левады [11; 12] впервые была осуществлена попытка изучить материальные и духовные аспекты повседневной жизни советских людей в 1960–1980–е годы. Анализ истоков, природы и механизмов приобщения и воспроизводства советской социальности в связи с процессами модернизации 1920–1930–х годов представлен в публикациях Н. Н. Козловой [7; 8], Н. Б. Лебиной [9; 10], Е. В. Стяжкиной [14; 15]. Отличительной чертой этих работ является широкое использование источников личного происхождения (дневники, письма и т.п.), информативный потенциал которых интерпретируется, исходя из методологических принципов феноменологии и социальной антропологии.

Однако актуальность затронутой нами проблемы состоит не только в недостаточном уровне ее научной

разработанности. Отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что после распада СССР *homo sovieticus* не исчез [17]. Следовательно, существующие на постсоветском пространстве социальные институты, модели социальных отношений, ценностно–нормативная система, политическая, правовая, экономическая культура генетически связаны с советским прошлым и могут быть исследованы и поняты только через свое прошлое.

Приведенные выше аргументы в пользу научной и общественной актуальности изучения феномена советскости определили цель предлагаемой статьи, которая состоит в комплексном изучении процесса формирования социально–антропологических качеств советского человека на примере повседневной жизни технической интеллигенции Донбасса в 1920–1930–е годы. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать базовые принципы социальной антропологии в изучении повседневности; 2) определить мотивы и механизмы формирования советскости у инженерно–технических работников (ИТР); 3) выявить специфику социально–антропологических черт советского человека; 4) проанализировать основные формы и модели воспроизводства в повседневной жизни советскости как социальности современного общества.

Выбор Донбасса как региона, на примере которого рассматривается формирование советской идентичности, не является случайным. Можно полностью согласиться с мнением Е. В. Стяжкиной о том, что этот край стал идеальной моделью проведения советской модернизации. К моменту установления советской власти Донбасс был периферией, «провинцией» со слабо выраженными политическими и государственными ориентирами, с малочисленной элитой, способной составить оппозицию или альтернативу большевикам. Наличие крупной промышленности облегчило реализацию планов индустриализации, в результате которых регион быстро превратился в оплот экономического могущества СССР, демонстрируя преимущества нового общественно–политического строя. К тому же Донбасс как район активных миграционных процессов стал тем тиглем, в котором представители различных сословий и этнических групп превратились в новую единую наднациональную общность трудящихся – советский народ.

Инженерно–техническую интеллигенцию, количественно увеличившуюся и качественно изменившуюся к концу 1930–х годов, можно рассматривать как одну из наиболее типичных групп советских людей, сформировавшихся в своей массе из бывших крестьян. Проследить процесс превращения дореволюционного крестьянина в советского специалиста возможно лишь при анализе повседневности с помощью методологического инструментария социальной (культурной) антропологии. Социальная антропология является относительно молодой наукой, процесс её институционализации до сих пор продолжается. Предметная специфика социальной антропологии в отличие от других наук о человеке и обществе состоит в следующем:

1) общая антропоцентрическая ориентация, предполагающая исследование не отдельных сторон жизнедеятельности человека, а всей системы его социокультурных связей;

2) опосредованный характер изучения культурного контекста человеческого поведения;

3) направленность на выявление и интерпретацию бессознательных структур социальной жизни и их символической направленности;

4) ориентация на изучение микросоциальных объектов.

Социально-антропологические исследования базируются на методологических принципах «инаковости» (осознание антропологом отличия исследуемого общества и культуры от тех, к которым он сам принадлежит) и холизма (целостность анализа). В ходе исследований особый акцент делается на изучении повседневности – сферы, где в первую очередь и с наибольшей степенью очевидности реализуются главные способы и формы социокультурной жизнедеятельности людей.

Формирование любой социальной общности является результатом двойного конструирования – как со стороны её лидеров, так и со стороны её рядовых членов, – следствием производства и воспроизводства социальных практик и символов. Социологическая интерпретация таких процессов возможна на основе теорий, которые соединяют достижения структуралистской и конструктивистской парадигм. Именно такой является концепция габитуса (*habitus*). Понятие габитус в разных значениях использовали М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс. Н. Элиас и П. Бурдьё превратили его в центральную категорию своих теорий. В частности, Элиас понимал под габитусом общие для группы индивидов черты, сформированные социальными структурами и институтами. Составной частью габитуса является идентичность, которую ученый определял как отношения «Я – Мы»: «Эта идентичность представляет собой ответ на вопрос о том, кем является человек, причем и как социальное, и как индивидуальное существо» [16, с. 367].

П. Бурдьё применяет габитус как способ микро- и макросоциологического анализа общества. Ученый определяет его как систему прочных приобретенных предрасположенностей, которые используются индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, а также как исходные установки, порождающие и организующие практики самих индивидов. Таким образом, Бурдьё, с одной стороны, признает за человеком статус автономного индивида-субъекта, а с другой стороны, подчеркивает, что его свобода ограничена рамками определённых ситуаций: «Поскольку габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия, а продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования, то даваемая им свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначального заданного» [2, с. 108].

Революционные события 1917–1920 годов были реакцией на неудачную попытку модернизации страны во второй половине XIX века. Их закономерным следствием стала децивилизация и архаизация общественной жизни, когда люди в экстремальных социальных условиях ориентировались исключительно на физическое выживание. Впрочем, курс на модернизацию был восстановлен довольно быстро – уже в декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) высказался за начало индустриализации. На уровне официального дискурса новая власть провозглашала ликвидацию всего старого. И это касалось

не только социальных практик и институтов, но и целых социальных групп, в частности, крестьян-собственников. Многие из них, снова оказавшись на грани физической и социальной смерти, приложили максимум усилий, чтобы вписаться в советское общество. Легче всего это удавалось молодежи, которая как отмечает Н. Н. Козлова, «во все времена выступает в качестве носителя упрощающих тенденций. Каждое новое поколение – «свежие люди» в истории, у которых нет социального и исторического опыта, нет исторической памяти, ... нет культурного и исторического капитала» [7, с. 71].

Стигматизируя крестьянство как «отживший» класс и тем самым провоцируя кризис традиционной идентичности, советская власть предоставляла сельской молодежи возможности для социального перевоплощения. Одной из них был переезд в город и поступление в вуз. Таким образом создавались предпосылки для разрыва круга традиционной жизни и осуществления индивидуального выбора. Отметим, что выбор как категория современного общества тесно связан с формированием у человека индивидуальности, способности к саморефлексии, к осознанию своего места в ситуации «здесь-и-сейчас» в социальном и историческом пространстве.

В Донбассе одной из разрешаемых властью новых социальных позиций для превращения был статус инженерно-технического работника (ИТР). Однако выбор в пользу такого статуса, как и любой выбор в социальной игре был рискованным. С одной стороны, власть третировала дореволюционное поколение специалистов, ставя на них позорное клеймо вредителей и саботажников. С другой стороны, новая, пролетарская советская, интеллигенция провозглашалась наиболее квалифицированной частью рабочего класса, по сравнению с другими категориями граждан она пользовалась определенными льготами и преференциями.

Приобретение статуса советского ИТР зависело не только от получения специального образования. Поскольку происхождение многих абитуриентов и учащихся вузов не соответствовало канону о пролетарской природе новой интеллигенции, им постоянно угрожали чистки и обвинения в «буржуазном перерождении». Чтобы избежать этого, они активно осваивали язык коммунистической идеологии и вступали в языковые игры. Всё начиналось с написания автобиографии при подаче вступительных документов. Впервые в своей жизни сталкиваясь с написанием рассказа о себе, молодые люди всеми силами пытались доказать, что они достойны почетного звания «командиры советской индустрии». Отрекаясь от своего прошлого и прежних статусов и ролей, авторы таких биографий проходили альтернативу и ресоциализацию, когда прошлое перетолковывается так, чтобы оно соответствовало нынешней реальности [1, с. 263]. При этом в прошлое переносились различные элементы (рабочее происхождение, бедность, служба в РККА), которых в нем объективно не было. Насколько массовой была такая реинтерпретация собственной биографии, свидетельствует то, что в 1930 году более 80% студентов рабфаков и втузов Сталино позиционировали себя как рабочие и дети рабочих [13, с. 64, 226]. Добавим, что через автобиографию не только конструировалось «правильное» прошлое. Написание автобиографии свидетельствовало о приобретении человеком индивидуальной идентичности.

Систематическое овладение каноническими ценностями, образом мышления и официальным языком коммунистической идеологии осуществлялось на занятиях по общественно-экономическим дисциплинам, а также при посещении политчасов и кружков текущей политики. А. А. Зиновьев указывает на формирование у homo sovieticus идеологического типа интеллекта [6, с. 211]. Действительно, в СССР коммунистическая идеология выступала главным абстрактным посредником и связующим звеном на всех уровнях общественной системы.

Благодаря ежедневному целенаправленному воздействию со стороны власти в сознании рядовых ИТР формировалось представление о том, что существует «фронт социалистического строительства», на котором бывают не только «победы», но и «временные поражения», обусловленные как «расхлябанностью, халатностью, недостаточным развитием критики и самокритики», так и происками «вредителей», «кулацкого элемента», «троцкистско-бухаринских диверсантов». Перечень таких идеологов и языковых клише можно продолжать до бесконечности. Для кого-то они так и остались просто словами, постоянное повторение которых как заклинаний открывало путь для вертикальной мобильности. Другие же искренне воспринимали содержание таких выражений, по идейным мотивам подчинялись устоявшийся образ жизни, привычки, быт правилам, по которым должны были жить строители социализма. Однако независимо от конкретной биографической ситуации советская идентичность не была навязана. Бывшие абитуриенты, переступая порог вуза, сознательно принимали правила игры, где в качестве награды выступали общественное признание, ощущение собственной значимости, будущий достаток. Система образования была для таких людей средством правильно вписаться в общество советского Модерна.

Однако, несмотря на приобретение советскости, которое сопровождалось неслыханной идеологической обработкой сознания, у многих молодых специалистов так и не произошёл полный разрыв с прошлым. Как и их ровесники, оставшиеся в деревне, они болезненно переживали трагические события коллективизации и Голодомора. Так, осенью. 1933 года даже среди партийных студентов вузов Сталино фиксировались откровенно антисоветские настроения: углехимический институт – И. Передерий: «Всё, что пишут в газетах о колхозах – сплошная ложь... Сейчас колхозы находятся в плохом состоянии и вряд ли оно улучшится»; Г. Федюшин: «Селоразорено до основания, люди умирают с голода, а советской власти и партии до этого дела нет»; Г. Константинов: «Народ вымер, в селах из населения осталось 30%, некому могил копать, я сам там не видел хлеба до 1 мая»; горный институт – К. Гергель: «При феодальном строе крестьянину лучше жилось чем теперь, легко ли сказать 40% умерло с голоду... О чем говорить, когда знаю людей, пробывших всю гражданскую и империалистическую войну на позициях, всё пережили, а вот коллективизация и социализм доконали, умерли с голоду» [4, ф. П–18. – Оп.2. – Д.95. – л. 26–29]. Добавим, что критическое отношение к власти обуславливалось осознанием колоссальной пропасти между лозунгами о светлом будущем и средствами, с помощью которых оно создавалось. Осмысление этого было следствием формирования у интеллигенции таких качеств, как

рефлексия окружающего мира, а также работа с абстрактными понятиями и категориями.

Выше неоднократно указывалось, что процесс приобретения советскости означал вхождение человека в модерное общество. Соответственно у молодого поколения ИТР формировались новые социально-антропологические качества: индивидуальность, личная биография, способность к саморефлексии, представление о категории выбора и время-стрелу (где прошлое, настоящее и будущее существуют в осознанном триединстве), монополия на экспертное знание, оперирование абстрактными понятиями, участие в языковых играх.

Одним из главных материальных благ Модерна для рядового человека стал комфорт. В официальном дискурсе это понятие подменялось дефиницией культурность. Впервые она появилась в отчетном докладе XVII съезда ВКП(б) в январе 1934 года вместе с каноном советского человека. В ноябре 1935 года на Всесоюзном совещании стахановцев И. В. Сталин говорил уже о «зажиточной и культурной жизни» советских людей. Понятие культурность не имело четкого определения. Чаще всего под ним понимали культуру в антропологическом аспекте, представленную в стиле жизни и в поведении. Она проявилась не только в опрятной одежде и в правильной, «городской», речи специалистов, но и в обстановке их жилищ, где кроме кровати и стула был шкаф, на полках стояли книги, а окна – стекла, а не фанера. Внутренний вид таких домов свидетельствовал о стремлении к уюту. Последнее дополнялось способностью к самоконтролю во всех жизненных проявлениях, которую немецко-британский историк и социолог повседневности Н. Элиас определял как процесс цивилизации. Этот же термин использует в своих работах и А. А. Зиновьев, понимая под ним начало, противоположное социальности (коммунальности). Цивилизация проявляется в постоянных усилиях и в стремлениях ограничить человеческую природу [5, с. 16–17]. Насколько эта черта была развита, ярко свидетельствует курьезный случай, зафиксированный в отчете обследования бытового положения техперсонала Константиновского химического завода в 1934 году: «На заводе в единственном доме ИТР в 26 квартирах живут 40 семейств и нет ни одной уборной. Два месяца тому назад стоявшая на улице уборная была снесена в целях благоустройства (портила общий вид улицы), и сейчас *всё население вот уже два месяца пользуется уборной двorca культуры за три квартала от этого дома*» (курсив наш. – А. С.) [4, ф. П–326. – Оп.1. – Д.214. – л. 54].

Создавая и воспроизводя новые социальные практики, символы и коды, инженеры и техники, как и другие группы интеллигенции, стремились обозначить свою позицию в общественной иерархии через маркирование физического пространства. Результатом этого стало появление понятия «квартиры ИТР», которые были более комфортабельными и приспособленными к культурной жизни, чем общежития и «нахаловки». По иронии судьбы далеко не все специалисты проживали в таких жилищах, поскольку комфортной уютной жизни требовали также партийные функционеры, служащие, работники торговли, а квартир всем желающим не хватало. То же самое произошло со специально организованными магазинами ИТР.

Особое место в реализации экспрессивного порядка техперсонала занимали деловые клубы и комнаты ИТР

при дворцах культуры предприятий, а также специальные дома ИТР, созданные в 1935 году в Сталино, Артемовске и Луганске. Они обеспечивали условия для культурного досуга и удовлетворения духовных потребностей технической интеллигенции – в их стенах работали кружки и библиотеки, проводились тематические вечера, демонстрировались фильмы и спектакли.

Однако не стоит идеализировать *homo sovieticus*, даже если он относился к привилегированным группам квалифицированных рабочих, интеллигенции или партийной бюрократии. В ряде публицистических и научных работ А. А. Зиновьев критически оценивает советского человека, выделяя следующие его негативные черты:

Во-первых, *homo sovieticus* является продуктом приспособления к определенным социальным условиям, являясь одновременно их носителем и хранителем. Он приучен жить в относительно плохих условиях и постоянно ожидает худшего. Таким образом, это глубоко конформистский тип личности.

Во-вторых, он стремится помешать тем, кто нарушает устоявшиеся нормы поведения. Он способен на критику и проявление своего недовольства только в строго определенных формах и рамках.

В-третьих, хотя *homo sovieticus* постоянно недоволен своим положением, но в обществе он обречен бороться только за свои собственные интересы, не может выразить свой протест вне рамок коллектива, т.е. официально разрешенных форм, не может создать влиятельной оппозиционной силы из-за давления на него со стороны общества и разобщенность потенциальных участников оппозиции [6, с. 226–227; 5, с. 222].

В-четвертых, вследствие всестороннего идеологического воздействия у человека формируется идеологический тип интеллекта, для которого характерны гибкость, беспринципность, двоясмыслие [6, с. 211].

В-пятых, наряду с официальной идеологией существует так называемая практическая идеология – совокупность правил и навыков поведения людей в принципиально важных ситуациях, которая и определяет поведение – стремление не выделяться и быть как все, демонстративное проявление лояльности к начальству [6, с. 204]. Наиболее типичным проявлением таких качеств стало массовое членство специалистов в партии, обусловленное не столько идеологическими, сколько прагматическими соображениями (возможность карьерного роста и улучшение материально-бытовых условий, защита от спекулянтов). В конце 1930-х годов каждый третий ИТР крупной промышленности Донбасса был коммунистом [13, с. 87].

Официальная идеология ликвидировала общечеловеческую мораль как абсолютную ценность. Восприятие ее норм осуществляется контекстуально, в связи с чем *homo sovieticus* совершает неморальные поступки. Однако, по мнению А. А. Зиновьева, его нельзя в аморальности. Условия жизни в СССР ставили человека ниже того минимума, который необходим для практического применения норм морали [5, с. 54]. В свою очередь отметим, что моральный релятивизм характерен для любого современного общества (в т.ч. и западного). Способность работать с абстрактной нормой в отрыве от конкретной ситуации обусловлена, в первую очередь, с плюрализмом и высокой изменчивостью различных форм социальной жизни.

Формирование в 1920–1930-х годах в СССР нового социально-антропологического типа человека было закономерным следствием процессов советской модернизации. Действия власти находили отклик среди представителей низших слоев общества, которые всеми силами стремились повысить свой социальный статус и соответствовать новым социальным стандартам и правилам. В обществе Модерна система образования является одним из наиболее мощных средств социализации индивидов. Поэтому во время учебы в вузах будущие технические специалисты наряду с профессиональными знаниями и навыками усваивали элементы габитуса современного человека: индивидуальность, способность к саморефлексии и абстрактному мышлению, стремление к комфорту и приватности. Платой за эти приобретения стал разрыв с прошлым, которое не отвечало канону о пролетарскости новой интеллигенции.

Потребление духовных и материальных благ Модерна в повседневной жизни выступало средством маркирования самости и групповой идентичности интеллигенции. Многие ее непреднамеренные социальные изобретения (городской образ жизни, культурность, участие в языковых играх с властью) стали осваиваться социальными низами. Указанное выше дает основания полагать, что интеллигенция была не только продуктом, но и творцом материального и духовного измерений советского общества.

В то же время индокриная коммунистической идеологии и политическая реальность тоталитаризма привели к формированию фундаментальных противоречий в характере *homo sovieticus*, в связи с чем его повседневные практики кажутся парадоксальными:

– советский человек недоволен условиями своей жизни, но всё равно постоянно приспособливается к новым условиям. Это происходит потому, что большинство населения могло выразить протест только в официально допустимых формах и границах;

– граждане понимают нелепость существующего положения дел, но продолжают действовать по установленным правилам, поскольку люди приучены жить и ориентироваться в этих условиях;

– хотя официально воспитание нового поколения базируется на высоких моральных принципах, коммунистическая идеология обосновывает контекстуальный и относительный характер морали. Как следствие, в ходе рутинных взаимодействий люди поступают неморально;

– *homo sovieticus* воспитывается в коллективе, но как человек современного, а не традиционного общества он не признает приоритета коллективных интересов над индивидуальными.

Список использованных источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бурдые П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдые; пер. с фр.; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Вайль П. Л. 60-е. Мир советского человека [Текст] / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 358 с.
4. Государственный архив Донецкой области.
5. Зиновьев А. А. Зияющие высоты: роман [Текст] / А. А. Зиновьев. – М.: ЭКСМО, 2008. – 734 с.
6. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность [Текст] / А. А. Зиновьев. – М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. – 379 с.

7. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора [Текст] / Н. Н. Козлова. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 216 с.

8. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории [Текст] / Н. Н. Козлова. – М.: Европа, 2005. – 526 с.

9. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930-е годы [Текст] / Н. Б. Лебина. – СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 1999. – 316 с.

10. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю [Текст] / Н. Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

11. Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Статьи 1993–2000 [Текст] / Ю. А. Левада. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – 576 с.

12. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х [Текст]: Сборник / Отв. ред. Ю. А. Левада. – М.: Мировой океан, 1993. – 299 с.

13. Струченков О. В. Инженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінень 1920-х – 1930-і роки): формування, умови життя, діяльність [Текст]: дис. ... к.і.н.: 07.00.01: захищена 6.02.09 / Олександр Вікторович Струченков. – Донецьк, 2009. – 277 с.

14. Стяжкіна О. В. «Правильна біографія» пересічної людини 1920-х років: спроби конструювання минулого (на матеріалах Донбасу) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2008_15_16/08stiazhkina.htm. – Назва з екрана.

15. Стяжкіна О. В. Бути владою: антропологічні коди провінційних радянських керівників 1920-х років (на матеріалах Донбасу) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2009_17_18/09stiazhkina.htm. – Назва з екрана.

16. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования [Текст]: в 2-х т. / Н. Элиас. – М.: СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.

17. The long life of Homo sovieticus [Text] // The Economist. – 2011. – Dec 10th.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Текст] / P. Berger, T. Lukman. – М.: Medium, 1995. – 323 s.

2. Burde P. Prakticheskiy smysl [Текст] / P. Burde; per. s fr.; otv. red. per. i poslel. N. A. Shmatko. – СПб.: Aleteya, 2001. – 562 s.

3. Vayl P. L. 60-е. Mir sovetskogo cheloveka [Текст] / P. L. Vayl, A. A. Genis. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 358 s.

4. Gosudarstvennyy arhiv Donetskoy oblasti.

5. Zinovev A. A. Ziyayushchie vysoty: roman [Текст] / A. A. Zinovev. – М.: EKSMO, 2008. – 734 s.

6. Zinovev A. A. Kommunizm kak realnost [Текст] / A. A. Zinovev. – М.: EKSMO; Algoritm, 2003. – 379 s.

7. Kozlova N. N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epohi: golosa iz hora [Текст] / N. N. Kozlova. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 216 с.

8. Kozlova N. N. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii [Текст] / N. N. Kozlova. – М.: Европа, 2005. – 526 с.

9. Leбина N. B. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii: 1920–1930-е gody [Текст] / N. B. Leбина. – СПб.: Zhurnal «Нева»; «Letniy sad», 1999. – 316 с.

10. Leбина N. B. Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu [Текст] / N. B. Leбина. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 488 с.

11. Levada Yu. A. Ot mneniy k ponimaniyu. Stati 1993–2000 [Текст] / Yu. A. Levada. – М.: Moskovskaya shkola polit. issledovaniy, 2000. – 576 с.

12. Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsialnogo portreta na rubezhe 90-h [Текст]: Sbornik / Отв. ред. Yu. A. Levada. – М.: Mirovoy okean, 1993. – 299 с.

13. Struchenkov O. V. Inzhenerno-tehnichna inteligentsiya Donbasu (kinets 1920-h – 1930-i roki): formuvannya, umovi zhittya, diyalnist [Текст]: dis. ... k.i.n.: 07.00.01: zahishchena 6.02.09 / Oleksandr Viktorovich Struchenkov. – Donetsk, 2009. – 277 с.

14. Styazhkina O. V. «Pravilna biografiya» peresichnoyi lyudini 1920-h rokov: sprobi konstruyuvannya minulogo (na materialah Donbasu) [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2008_15_16/08stiazhkina.htm. – Nazva z ekrana.

15. Styazhkina O. V. Buti vladoyu: antropologichni kodii provintsiynih radyanskih kerivnikov 1920-h rokov (na materialah Donbasu) [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2009_17_18/09stiazhkina.htm. – Nazva z ekrana.

gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2009_17_18/09stiazhkina.htm. – Nazva z ekrana.

16. Elias N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya [Текст]: v 2-h t. / N. Elias. – М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 382 s.

17. The long life of Homo sovieticus [Text] // The Economist. – 2011. – Dec 10th.

Strychenkov O. V., PhD degree in History, associate professor of department of ukrainoznavstvo, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky (Ukraine, Kryvyi Rih)

Romanykha O. M., PhD degree in History, associate professor of department of ukrainoznavstvo, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky (Ukraine, Kryvyi Rih), Romanykha@mail.ru

Social-anthropological aspect of conception of homo sovieticus

This article deals with the conception of Homo sovieticus which is analyzed on the base of the methodological principles of the social anthropology and the theories Pierre Bourdieu, Norbert Elias, Peter Berger, Alexander Zinoviev. It is attached special attention to the analysis of the mechanisms of the construction and reproduction of the Soviet sociality in every-day practices for example of the technical intelligentsia of Donbass. Besides that the main social-anthropological features of Homo sovieticus are also analyzed.

Keywords: habitus, intelligentsia, Modernity, routine life, Soviet sociality, Homo sovieticus.

Струченков О. В., кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства, Донецький національний університет економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського (Україна, Кривий ріг)

Романуха О. М., кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства, Донецький національний університет економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського (Україна, Кривий ріг), Romanykha@mail.ru

Соціально-антропологічний аспект концепції homo sovieticus

На основі методологічних принципів соціальної антропології, а також теорій П. Бурдьє, Н. Еліаса, П. Бергера, А. Зінов'єва розглядається концепція homo sovieticus. Особлива увага приділена аналізу механізмів конструювання і відтворення радянськості в повсякденних практиках на прикладі технічної інтелігенції Донбасу. Поряд з цим проаналізовані основні соціально-антропологічні характеристики радянської людини.

Ключові слова: габітус, інтелігенція, суспільство Модерна, повсякденність, радянськість, homo sovieticus.

УДК 100+153.35+158.1

Каранфилова Е. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии, психологии и права, Одесская государственная академия строительства и архитектуры (Одесса), marinna@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ОБЩЕСТВА

Рассмотрены особенности процесса сложных ценностно-нормативных трансформаций современного общества. Произведенный в исследовании анализ преодоления негативных процессов аномии и дегуманизации посредством социальной коррекции сделан с позиций философии диалогизма, что позволило исследовать процесс формирования социальных норм как диалог, общение личности как представителей разных типов культур, где бытия и мышления другого воспринимается как равноправное, а социальное взаимодействие приобретает характер герменевтического дискурса (устанавливает связи между собственной и другими культурами). В статье представлено философское осмысление комплекса социальных стратегий по коррекции аномии средствами образования. В качестве эффективного средства переориентации аномии в стойкую целостную картину мира, базирующуюся на общечеловеческих моральных ценностях, предложено внедрение в социум технологий гуманизации и гуманитаризации, развитие культурологического принципа, диалогического подхода, а также общей установки общества на саморазвитие личности.

Ключевые слова: ценности, нормы, социум, мораль, аноμία.